

ИРАН. ЖЕНЕВА. СДЕЛКА. ПЕРЕДЫШКА

Хрупкое, промежуточное, соглашение по иранской ядерной программе было достигнуто 24 ноября в Женеве. В ходе переговоров всем участникам удалось сохранить лицо и не уронить своего достоинства. Это, безусловно, является хорошей отправной точкой.

Впереди — долгий путь к всеобъемлющему урегулированию, длиной, как минимум, в полгода.

Право Ирана на обогащение урана никем не оспаривалось и не будет оспариваться, хоть об этом и не говорится в открытую в тексте соглашения. Тем не менее, уже в день его подписания иранский президент заявил: «Мы будем работать в Натанзе и в Араке следующие шесть месяцев так же, как мы это делаем сейчас». Лукавство: временная приостановка обогащения урана свыше пяти процентов является элементом Женевской сделки.

Сама Женевская сделка в значительной мере символична: она является свидетельством достигнутого прогресса, указывает направление дальнейшего движения, а также демонстрирует желание всех вовлеченных сторон двигаться вперед; она способствует укреплению доверия, в особенности, между США и Ираном.

Но все же этот документ по своей природе лишь промежуточный, переходный.

В самом деле, на практике многое ли изменилось в результате достижения договоренности по Ирану/с Ираном?

Значительно возросло доверие, поскольку — впервые после десятилетия бесплодных переговоров — все участники увидели, что достижение договоренностей и компромиссов с Ираном реально. И это — огромный успех сам по себе. Однако давайте признаем, лукавство отбросив: решение по ключевым проблемам иранской ядерной программы было отложено на середину 2014 г.

Что будет дальше? Прозрачность иранской ядерной программы должна существенно возрасти, МАГАТЭ проведет проверки на ядерных объектах Ирана и получит доступ к соответствующей документации в беспрецедентных доселе масштабах. И это, однозначно, хорошая новость. Иран откажется от обогащения урана свыше пяти процентов и от ввода в строй новых центрифуг, что тоже позитивно.

Вернут ли Ирану замороженные деньги? Да, по крайней мере, от трех до пяти миллиардов долларов, в отношении которых не нужно получать одобрение Конгресса. Но самая трудная часть, как для Роухани, так и для Обамы начнется тогда, когда речь пойдет о полном снятии односторонних американских санкций с Ирана. Иранцев интересует свобода передвижения своих капиталов по миру, а она сильно ограничена и через ФАТФ, и через односторонние американские меры — вот они как раз и *кусаются*. В этой части проигнорировать Капитолийский холм не полу-

чится, и именно в этот момент в процесс вмешаются и Тель-Авив, и Эр-Рияд — оба опытных игрока, когда дело доходит до движения мировых финансовых потоков. В Женеве не участвовавшие, конечно, в переговорах, но присутствовавшие там незримо Израиль и Саудовская Аравия проиграли, однако игра не закончена.

Наконец, Иран должен как можно скорее ратифицировать Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ, равно как и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, поскольку это послужит дальнейшему укреплению доверия. В этом случае, считал бы логичным, целесообразным приглашение Ирана к участию в Саммите по ядерной безопасности в Гааге в марте 2014 г.

Санкции Совета Безопасности ООН могут быть отменены постепенно, причем некоторые из них — уже в течение шестимесячного *испытательного срока*, остальные же — в результате подписания всеобъемлющего соглашения в 2014 г.

Важные вопросы, которые предстоит решать в ближайшие полгода: *во-первых*, будущее тяжеловодного реактора в Араке; *во-вторых*, будущее обогатительного комплекса в Фордо; *в-третьих*, обеспечение того уровня доступа инспекторов МАГАТЭ, который закреплен в Дополнительном протоколе к соглашению о гарантиях, ратифицирует ли его Иран в ближайшие месяцы или нет.

Отдельно стоит вопрос о предоставлении гарантий о неприменении силы и угрозы применения силы (включая кибератаки) в отношении объектов ядерной инфраструктуры Ирана. Но он увязан с предыдущими.

Должно ли *всеобъемлющее соглашение*, которое может быть подписано в 2014 г., касаться только ядерных вопросов или оно должно быть шире по своей проблематике? На многостороннем уровне, обращение только к ядерной проблематике мне представляется достаточным. Что же касается двусторонней ирано-американской договоренности, то она должна включать гарантии безопасности со стороны Вашингтона в отношении Тегерана. Должны быть затронуты такие вопросы региональной безопасности как Сирия, Ирак, Афганистан и военно-морское противостояние в Персидском заливе и Аравийском море. Маловероятно, что данные гарантии будут подлежать всеобщей огласке. Таким образом, Обама и Роухани предстоит пройти очень длинный путь, прежде чем такое *пакетное соглашение* будет достигнуто, если это вообще возможно.

Что результат женевских переговоров означает для России? Второй раз за эту осень, после соглашения по химическому оружию Сирии, российская дипломатия добилась впечатляющего успеха. Ведь если непредвзято разобраться, значительная часть согласованного в Женеве плана действий основывалась на российском *плане Лаврова*. Позиция России была последовательна, она практически не менялась на протяжении осенних переговоров. Право Ирана на обогащение урана не оспаривается, запасы урана с обогащением в 20 процентов будут ликвидированы. Таким образом, угроза ядерного распространения, составлявшая главную обеспокоенность России, резко снизилась. Именно это — главный российский успех.

Иранская ядерная программа станет более прозрачной — это имеет не меньшее положительное значение для Москвы. Тот факт, что по отношению к Ирану в международном сообществе стал формироваться климат доверия, также является позитивным знаком в глазах России. Снижение политического напряжения, отказ от угроз применения силы, — все это неоспоримые плюсы для России.

Россия, однако, должна быть готова к дальнейшему развитию событий по двум совершенно противоположным сценариям.

Сценарий А: Если диалог между США, западными странами в целом и Ираном будет успешным, России предстоит играть совершенно иную роль. При таком раскладе обязательно появятся новые нефте- и газопроводы, причем, не обязательно в интересах России. И цены на углеводороды, скорее всего, покатятся вниз.

Сценарий Б: Если сегодняшние договоренности не будут соблюдены и итоговое соглашение так и не будет подписано в 2014 г., политическое напряжение в регионе может достичь беспрецедентного уровня.

Вывод — текущая ситуация идеальна для России: временное дипломатическое решение, предусматривающее большую прозрачность в отношении иранской ядерной программы и ведущую (и при этом как бы теневою) роль российской дипломатии в многостороннем переговорном процессе, равно как и стратегическое значение двустороннего диалога с Тегераном.

Что касается последнего, то мне не было удивительно, когда в день подписания Женевских договоренностей Роухани на публике вспомнил свое участие во встрече ШОС в Бишкеке в начале сентября 2013 г., где состоялась его первая встреча с Путиным. На мой взгляд, сейчас создалась идеальная ситуация для визита Роухани в Москву. Или Путина в Тегеран, с заездом в Бушер, чтобы открыть АЭС на полную мощность, почему бы и нет; а заодно обсудить с Роухани углубление экономического сотрудничества — вопрос, которого они едва коснулись во время своей встречи в сентябре.

Время активизировать двусторонние экономические связи пришло. Как и пришло время принять Иран в состав ШОС на правах равноправного члена, не дожидаясь, когда санкции СБ ООН будут сняты. До сих пор это являлось предлогом для отказа Ирану в членстве в ШОС, и предлогом надуманным. Если даже США заговорили, наконец, об отмене санкций в отношении Ирана, Россия тем более должна придать новый импульс своему стратегическому сотрудничеству с Тегераном.

Также важно понимать, что при любом раскладе, на протяжении, как минимум, следующих шести месяцев, двустороннее американо-российское лидерство в отношении иранской ядерной проблемы будет являться ключевым фактором при поиске стабильного, устойчивого, всеобъемлющего решения, основанного на ноябрьском промежуточном соглашении.

Устойчивое соглашение по иранской ядерной программе благоприятно повлияет на политический климат Ближнего и Среднего Востока. Контрпродуктивная, агрессивная политика ястребов — саудитов и им подобных была нейтрализована; попытка Саудовской Аравии торпедировать женевские переговоры не увенчалась успехом. Иран — как и Египет — может сегодня сыграть более активную и конструктивную роль в прекращении гражданской войны в Сирии. Именно Тегеран и Каир должны проложить дорогу к долгожданной конференции по созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке (ЗСОМУ), при недвусмысленной поддержке со стороны США, Великобритании, России и генерального секретаря ООН.

В последнем номере уходящего года мы предлагаем широкую палитру — и тематическую, и географическую.

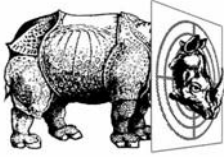
Здесь и размышления о *мягкой силе* России, реальной и потенциальной, в интервью Константина **Косачева** и в эссе Арно **Леклерка**; и оценка современных вызовов и угроз для Евroatлантики глазами Игоря **Сергуна**; и круглый стол о глобальном управлении интернетом и борьбе с киберпреступлениями под председательством Михаила **Якушева**; и долгосрочный прогноз Дэйва **Эванса** о возможности формировании единого биокомпьютерного механизма.

Что до географии, то здесь и *БРИКС* (в контексте кооперации в области передовых технологий и в преддверии Форталезы-2014), и *Южно-Китайское море* (в контексте китайской политики, которая, по мнению Дмитрия **Мосякова**, ведется на грани фола), и *Сахель* (с урановым акцентом в статье Евгения **Корендясова**), и, конечно, снова *Ближний Восток* (точнее, российское ВТС с регионом в обзоре Натальи **Калининой**)... и снова *Иран* — успешно, по оценке Олега **Демидова**, осваивающий технологии войн будущего.

Но пока — передышка.

Владимир ОРЛОВ

В ДЕСЯТКУ: О СИЛЕ ПОДЧИНЕНИЯ

Джейд Таунсенд, Уильям Плухуда. Bellum Omnium Contra Omnes 2012.

«Там, где нет силы, способной держать всех в подчинении, люди не испытывают никакого удовольствия от жизни в обществе. Ибо каждый человек добивается, чтобы окружающие ценили его, также как он сам себя ценит. И при всяком проявлении презрения или пренебрежения он пытается, насколько это в его силах, добиться от своих хулителей уважения к себе. И там, где нет общей власти, способной заставить людей жить в мире, доходит до того, что они готовы погубить друг друга».

Томас Гоббс. «Левиафан» (1657)